Виктория Никитина

г. Калининград

Ветер перемен

В твоей судьбе задули перемены –
И твои мысли от меня уж далеки.
Но я не верю в новые измены:
Пусть будет вера утешеньем для души.

Конечно, я любила.
Конечно, я ждала…
Но сколько, сколько можно?!
Ведь я ещё жива!

Рвалась к тебе, в солёные просторы,
Пасла русалка нашу блудную любовь.
И вот ушёл: вновь сыплются укоры,
След одиночества витает роковой.

И пусто-пусто стало в целом мире.
И всё вокруг мне кажется чужим.
Твой образ всё мерещится в эфире…
Во след рванулась было я за ним,

Но чёрный горизонт нас разделил,
И лишь рассвет мне парусом искрил…

Русскому языку

Божественный, могучий русский наш язык,
Ты из таинственной гармонии возник.
Из глубины веков пробился, как родник,
Чтобы к живой воде всяк жаждущий приник.

Поле боя

Укрытый седою мглою,
усталый заснул океан.
Он как перед битвой воин:
в кольчугу одет великан.
Спокойна стальная грудь:
вздыхая, вздымается в такт.
Крик чаек не слышен тут.
Покой, тишина, благодать!

Сорвав пелену сырую,
вдруг ветер-разбойник влетел,
Нагнал стаи туч могучих –
и весь небосвод загремел.
Завыл он, как бесом клятый,
вонзив стрелы жгучие в грудь:
Зовёт великана, дразнит гримасами.
Просто жуть!

Зевнул океан спросонок,
взревел, точно раненый зверь, –
И гневные вздыбил волны –
повёл их в атаку, на смерть.
Рыдают и стонут волны
под натиском грозных небес.
Лишь в схватке они обнялись,
исчезли, как в поле чудес.

Утихли былые страсти –
смирительный стелит туман.
Укрытый седою мглою,
усталый заснул океан.

Осенняя хандра

Слезливая хмурится осень.
Иду под дождём наугад…
Ленивые мысли уносит
С собой кружевной листопад.

Притихли берёзки стыдливо,
Укрывшись дождём, как плащом;
Взъерошенный кот сиротливо
Сидит под промокшим плющом.

Проводы

Океан улыбается мне,
расточая сияние бликов.
Он влюблён в меня, как юнец, –
все морщинки разгладились мигом.
И со мною прощается кротко:
лишь попутный дохнул ветерок,
Да пушистые белые тучки
провожают меня на Восток.

Любовь – хрусталь

Я не люблю, когда меня спускают
С высоких гор под жёлтую луну;
Когда мне крылья грубо обрывают,
Хрустальный замок мой небрежно пнув.

Я в жизнь вхожу с парадного крыльца,
В нём входа чёрного не признавая.
С усердием тружусь в поте лица,
А мир сквозь розовый туман я созерцаю.

Я не питаю зависти и всех люблю,
А о чужом совсем не помышляю
И не коплю богатства, звёзды лишь ловлю.
Я свой удел смиренно принимаю.

В мечтах я остров благоденствия ищу –
По воле волн к нему покорно я плыву…
За благодать мгновений всех прощу,
А если бури захочу, её найду!

Гоню взашей тех, кто мне моет кости
Своим нечистоплотным языком,
И не люблю, когда приходят в гости
Из любопытства или же со злом.

А дифирамбы ждать – удел убогих:
Триумф я не мечтаю лицезреть.
Не любит сердце приказаний строгих,
А если обожжётся – не сгореть!

Любовь сама приходит к нам незваной
Не для того, чтоб ты её прогнал.
Разделим пополам её – нирвана!!!
Лишь только не разбей, она хрусталь!

Обожжённые крылья мечты

От земной суеты не сбежать,
Как домик улитки, не сбросить!
А душа всё ж умеет летать,
Коль этого сердце запросит!

И хожу по Земле я смиренно –
Познала её виражи,
Лишь порою лечу неизменно
В небесную высь – миражи…

Но напрасно душе я усталой
Ищу там оазис мечты,
Ослепляясь игрой запоздалой.
Там чуждого жара костры

Обожгли мои крылья: витаю
В хрустальных осколках мечты…
И напрасно к Земле я взываю
Сквозь слёзный туман с высоты.

Даже звёзды внушали мне страх:
Не греет огонь их холодный.
Не рассыпался дом бы мой в прах,
Меня, не дождавшись, бездомной!

На Земле рождены мы не зря –
Не нам рвать её притяженье.
Материнской любовью горя,
Земля дарит нам вдохновенье.

Чжу Шучжэнь

Подстрочник:
Свист душистого лёгкого ветра издалека.
Доносятся звон струны и голоса птиц
в этом одном звуке.
На верхушках леса явный шелест листьев.
Между сосен тропинка ночью
глуха и безлюдна.

Перевод:
Так душист и лёгок ветер, что летит издалека.
Звон струны и птичьи трели
слились в звуке бытия…
А меж сосен ночью тропка и безлюдна, и глуха.
Явно только шелест листьев
на верхушках слышу я.